Театр сатиры 12.03.2001

СУББОТНИЙ НГ

МАРТ – 2001

Interpone tuis interdum gaudia curis

Независимая газета

Еженедельное приложение к «НГ» № 9 (56), 12 марта 2001 г. Выходит с января 2000 г.

Наше приложение называется «Субботним НГ», однако сегодня оно выходит в понедельник. Это связано с прошедшим женским праздником, который самым неблагоприятным образом повлиял на выход газеты. Ну ничего, пусть на этот раз в виде исключения суббота начинается в понедельник, а вообще-то, пользуясь случаем, сообщаем нашим уважаемым читателям, что в этом году мы планируем начать выпускать «НГ» и по понедельникам.

ТВ ВАЛЕРИЙ КОМИССАРОВ О ТЕЛЕВИДЕНИИ И ГОСДУМЕ стр. 12

ТВ ТЕЛЕПРОГРАММА НА НЕДЕЛЮ стр. 13–14

● ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ПОЧТА «НГ» стр. 15

● АФИШНАЯ ТУМБА стр. 16

Григорий Заславский

ЗВОНИТЬ МОЖНО!

«Зритель может фуфло принять за настоящее, но настоящее за фуфло не примет», — говорит Ольга Аросева

Ольга Аросева – народная артистка России. Любя, к которой возвращается герой Инокентия Смоктуновского в фильме «Берегись автомобиля», знаменитая пани Моника из «Кабачка «13 стульев». Но телевизионного кабачка нет уже много лет, а популярности актрисы, которая все эти годы работала в Театре сатиры, это обстоятельство, кажется, нисколько не мешает. 8 марта она вышла на сцену своего театра в спектакле «Андрюша», где сыграла себя, Ольгу Александровну Аросеву.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА! Какие у вас сегодня отношения с Валентином Николаевичем Плучеком?

– С Плучеком у меня всю жизнь отношения были сложные. Верные, в разные периоды отношения у нас были разные. Тем не менее это мой режиссер, с которым я проработала 50 лет. Я делала в его театре все, главное в режиссере – талант. Я ему подвозила перед своим юбилеем. Сказала: «У меня сегодня юбилей, я знаю, что вы не можете прийти, но я буду о вас думать, будьте о том хорошем, что между нами было». Он сказал: «Спасибо, Ольга!»

– За какие качества вы выбрали новым художественным руководителем Ширвиндта?

– Вы меня сейчас поссорите со всеми!

– И вас уволят?

– Нет, уволить меня нельзя... А я думать ничего играть можно. Ширвиндта выбрал коллектив, я, думается, выбрал по многим причинам. В первую очередь потому, что он – человек, который способен объединить вокруг себя коллектив. Он – человек, который не делает гадости людям. Человек хорошего вкуса, интеллигентный. Наносила бровали, которая всем известна, – на его суть. И он в свой, в этих стенах вырос. Я вижу судьбу театров, когда в сложнейшей уже организм приходит новый режиссер, – вижу, чем это кончается. Этого больше всего не хотелось.

– Вплоть часто случались именно там, куда приходил человек со стороны...

– Например?

– Таганка, БДТ...

– Товстоногов пришел в БДТ при мне. Театр очень долго был в совершенно разбитом состоянии, так что Товстоногов его заново создавал. Но для старых артистов театра это было болезненно. Любимов пришел на Таганку со своим спектаклем и своей труппой и создавал на Таганке новый театр. Специфика Театра сатиры не только в подборе талантов, но еще и в том, что здесь есть определенное понимание жанра. Есть очень хорошие режиссеры, которые не смогли бы поддержать жанр, определенный названием. Тот же Товстоногов, например. Он мог создать замечательный театр, но это был бы уже не Театр сатиры. А у Шуры есть как раз такое призвание и такой талант, необходимый комедии... Ширвиндт не честолюбив. Во всяком случае, то не личное его честолюбие. Он очень хороший педагог и очень любит педагогическую деятельность. Думаю, что кроме желания не подвести людей, которые про просили об этом, он, может быть, для себя открывал какие-то новые возможности... Сравнить, что-то еще делать. Я за всю жизнь его столько не видела в театре, сколько за эти месяцы. Он сидит в театре с утра до ночи... Каждому человеку в зрелом возрасте хочется сотворить что-то свое. Не под чужим контролем, а свое. Все не так просто, поскольку многое определено жанром в названии театра.

– Нужно ли следовать объявленному в названии направлению? Что вообще такое сатира?

– Мне кажется, нужно. Я все-таки пережила очень много формаций и правительств, но сменяться народ всегда хочет. Во все времена, и в тяжелые – тем более. Поэтому такой театр нужен. Через смех можно очень многое сказать. Можно и специальные какие-то проблемы решать через смех. Жанр трудный, но он – благодарный. Потому что зритель это любит. И Театр сатиры, который пережил столько стубней, и разные состояния общества, и вкусы менялись.: В нашем Театр сатиры, где только про дожуглаков ставили пьесы, про нелудачника-миллионщика... Отменные артисты комического жанра играли в спектаклях, где темы поднимались мелкие... Потом пришел Плучек, и театр приобрел иное лицо. Он поставил трилогию Маяковского. Театр сатиры стал политическим и социально более точным обозначением. Сейчас сатире нужна. Люди хотят смеяться, а не только плакать.

– Какие бы вам хотелось перемен в театре?

– Первое: чтобы была работа. Не для меня лично, а вообще в театре. Чтобы завидовать кому-нибудь, что вот выпущен такой хороший спектакль, а я в нем не занята, чтобы мечтать о чем-то, может быть, идти и добиваться чего-то... Но может такое произойти только. Как и всякое живое существо, он гниет, если стоит на месте. Как пивоваты, как артисты балета, драматические актеры не могут без практики. Иначе – теряют квалификацию. Актеры хотят играть. Разве это плохо, что люди хотят работать?! Актеры – замечательные люди, когда они соединяются в какой-то пьесе, они обожают друг друга. Как только расходятся, начинают выискивать недостатки. Не надо давать актерам уходить за кулисы, надо их как можно дольше держать на сцене... Но актер стоит в театре на самой низшей ступеньке. Он зависит от режиссера, от рабочего сцены, от костюмера, от выбора пьесы, от текста, от режиссера, от закрепощенной частью, от директорра... От всего и от всех. Было бы смешно Плучеку, задрав штаны, бежать за комсомолом... То есть в его случае – бежать за молодыми режиссерами, с иной эстетикой. Шура же более дерзок по возрасту и по всему остальному, он, может, как-то сдвинет театр с такого накатанного пути. Не знаю, как он это сделает и какой бы мне хотелось, чтобы это был путь, но мне кажется, что какой-то сдвиг необходим. Должно чуточку изменить дельсы. Я надеюсь на замечательную женщину, которая взялась за нашу литературную часть, – я говорю о Вере Анатольевне Максимовой, которая столкнулась с проблемой: действительно для Театра сатиры найти пьесы не так-то просто. Даже беря всю мировую классику... То, что было бы сейчас принемло. Люди устали от пьес Фрнеш, Ануя, Дюрренматта и т.д. Сейчас очень хорошо принимают Островского. Старая его пьеса «Бешеные деньги» оказалась современной. Очень хорошо принимают де Флиппо. Говорю не об игре, а о теме – нормальной, понятной, когда ясно, о чем говорится. Поэтому репертуарная часть, которая создает основу направления театра, сейчас находится в сложном положении. Жанр сатиры всеобъемлющ, но всяком талантливом произведении заложено обличение чего-то, а это ставились не на кого-то, а сами по себе – ради автора, идеи, чего-то еще. Вам самой обязательно ли быть в центре спектакля?

– Нет. Но я считаю, что надо ставить на актеров. Так делали Островский, Шекспир. Товстоногов, который ставил, конечно, не на кого-то одного, но что-то вроде упражки из потрясающих актеров – было. Выбирал пьесу, он думал о них.

– Ширвиндт достался замечательный театр в центре Москвы, с чистыми отремонтированными гримерками, в которых сидят талантливые люди. К сожалению, они ничего почти не делают, они пьют кофе в буфете. А они все могут играть. Это вещи, которые нельзя упустить, поскольку чем дольше не играют они, тем труднее потом будет вскочить «в седло».

– Вы сами много работаете в антрепризе. По-вашему, такая работа разрушает сам организм репертуарного театра или нет?

– Смотря как относиться к антрепризе. Такой замечательный артист, как Валерий Гаркалин, который здесь играл роли мирового значения и мог еще много чего сделать, и играет Хлестакова, Петруччо, ушел из театра. Будит, играет в антрепризных спектаклях, свободные дни выделяя Театру сатиры. Приезжая из, условно говоря, Мурманска, изнуренный и заскучавший, сыграть в полную силу Петруччо нельзя. Можно, конечно, но сделать это трудно. Понятно, что можно: актерские оклады очень маленькие, прирабатывать нужно. Как и во всяком деле, нужен баланс. Если рассматривать антрепризу не только как заработок, но и как дополнительную возможность для творческого самовыражения – сыграть тыц неслыханные свои роли, неслыханные темы, ни в каком другом месте по основному месту работы, – другое дело. Вера Васильева, например, актриса драматическая. В нашем театре она бы не сыграла Кручинину или Раневскую. Но она хочет сыграть эти роли. И сидит, играет. Я считаю, что это плохое. Но, к сожалению, «Кабачок» умер уже наполовину...

– А у Плучека тогда, в пору расцвета, когда все были живы, не было таких идей?

– Я не отношусь к этой работе легкомысленно, а деньги могла бы заработывать другим, гораздо более легким путем... Не подумайте другого, могла бы сыграть пьяницу, выйти в концерт... Но я этого не делаю, играю серьезную роль. Мне это доставляет творческую радость и удовольствие. Кстати, это было и возможностью возрастного перехода. Играю 2–3 раза в месяц, предположим, а не так, чтобы зарадить все свободные дни на выход.

– Можно ли сказать, что привычка к антрепризе у вас сложилась еще в «Кабачке «13 стульев»?

– Да. Мне работ дал «Кабачок». Я в театре тогда очень мало играла, у нас был как раз период расходящия с Плучеком. А актер, как я уже сказала, должен выходить на сцену, он не может думать о профессии, сидя за столом. Я много ездила и много играла. Такие поездки – в природе актерской. Так раньше в старину разъезжали артисты – это очень концентрирует, вырабатывает профессиональную хваткость. Я участвовала в антрепризе с Козаковым. Играла в пьесе «Нет ды у вас другого глобуса?», с которым мы месяц гастролировали в Израиле... Сейчас, к сожалению, театры не едают на гастроли: у города нет средств, чтобы пригласить такой огромный театр, как наш, со всеми цехами. Антреприза скучнена, штаты в ней сжаты до минимума. А очень важно, чтобы тебя смотрели не только в Москве, но и в других городах и странах. Дело актерское – очень живое. Когда ты куда-то приезжаешь, ты видишь, как иначе реагируют в Сыраши или в Израиле... Это очень много дает актеру, кроме денег. Повышение нужности и в твоей собственной, и твоей профессии. Тебя ждут, и ты им нужен.

– Неужели никогда не возникало мысли дать «Кабачку...» выступить в одном из театров сатиры?

– Когда говорили о «Чердаке...» как раз Александр Анатольевич предположил, что там могли бы сделать что-то похожее. Но, к сожалению, «Кабачок» умер уже наполовину...

– А у Плучека тогда, в пору расцвета, когда все были живы, не было таких идей?

– Я, наверное, трудяга? ...Я люблю быть ученицей перед любым режиссером. Замечательный у меня был опыт работы с Минцей Зоннепрайзом. Тихий, стеснявшийся мальчик ходил кругами, пока наконец не подошел ко мне: «Ольга Александровна! Не хотите внеплановую работу сделать?» Еле выговорил название: «Папа, папа, родный папа, ты не выдвинешь из шкафа...» Дал мне пьесу. Я ему говорю: «Да ты обалдел, мальчик! Ты что?! Там с трупом ходит женщина...» Он сел уговаривать, что знает, как это сделать. Я согласилась и дала себе клятву, что не буду с ним спорить, даже перебивать, а буду слушаться. Интересно было, что он мне даст, хотя могла сказать: попробуй, и закончи, как это сделать. И второй спектакль, «Как пришить старушку», мы уже замечательно делали. Я старалась быть очень кроткой и внимательной к тому, что просит режиссер. Очень довольна работой с Саркисовым, потому что это знак, чего хотел. Не люблю, когда режиссер говорит: «Давайте подумаем... А может быть, она выйдет отуда... Давайте ногами проверим». Всю эту игру в режиссуру я терпеть не могу! Режиссер должен четко знать, чего он хочет. «Мадлен и Монсей» – пьеса сложная. 31 декабря я была у автора в Париже, жена его встретила гроп «Четыре четверти», о котором говорится в спектакле. Он сам актер, ученик Витеза и в этой пьесе сыграл Монсея. Ставил спектакль режиссер из «Комеди Франсез». Три года без малого они играли спектакль в театре Монмартр. Ежедневно! Он показал видеоплеку, а мы ему – фотографии нашего спектакля.

– А новые пьесы он вам не дал?

– Дал. Не мне, конечно, а переводчику Ирине Поздоровой. Она сейчас переводит. Он рассказал нам вкратце сюжет, который разворачивается на том свете. Бог оказывается женщиной, поскольку сострадать по-настоящему может только женщина. В рая встречаются старая коммунистка и священник, оба – в плену своих догм... Бог – очень жизнелюбивый и оптимистичный – предлагает им жить свободно.

– Умение дружить с людьми не только своего поколения можно назвать одним из ваших талантов. Дружали вы и с Андреем Мироновым. Что вы дружите сегодня с ним?

– Он был лидером поколения, то есть больше, чем просто хорошим артистом. Для многих он был божеством, поскольку в свои последние, шлягеры сумел вложить какую-то романтическую ноту или страну. Глаз у него больше, чем у остальных... Он был дико работоспособен! И честен в профессии.

– Что значит – честен в профессии?

– Ну, например, мы играем в каком-то клубе какой-нибудь третьий концерт. После перерыва, в перерыве между спектаклями... Он все равно играл с полной отдачей! Он был хаотственно – во всех состояниях – одинаков, не позволяя себе быть плохим актером. Если ему нужно было поспать, он спал. Если ему нужно было спеть песенку, он репетировал ее Бог знает сколько, несмотря на уже огромную популярность и любовь. Не ради славы, а ради своей любви к делу. Думаю, этому он научился у Папанова, который тоже ни на секунду не позволял себе быть не крупным планом.

– Что для вас дом? Вы много ездите, много работаете, при этом все, кто у вас был, вспоминают замечательный ваш загородный дом... Зачем он вам?

– Чтобы чувствовать дом. Чувство собственности – неплохое чувство. И оно очень человека облагораживает. У меня нет колоды, как сейчас строят. Моему дому 30 лет. Но он – уютный. За границей себе лучше не куплю коффтеку, а куплю что-нибудь для дома. Я его люблю, потому что мне в нем хорошо. У меня маленькая двухкомнатная квартира, мне ее хватает, и я никогда не хотела для себя чего-то большего, но квартира нужна, чтобы заехать после театра... А праздник отпраздновать или гостей собрать – это на даче. Я люблю цветы, и они у меня, как ни странно, растут.

– Есть какие-нибудь, скорпионы бы вы годились?

– Никакой экзотики. Укроп, петрушка, кинза – из огородных. Кусты смородины, а из цветов – очень красивые пионы, анютины глазки, маргаритки...

– Глядя на вас, всегда поражаешься, как хорошо вы выглядите. Никакие юбилеи не мешают вам оставаться привлекательной женщиной. Как вам это удается? Как организовна вашя жизнь? Спите ли вы днем, например?

– Днем сплю, но перед спектаклем стараюсь не спать, поскольку сон куда-то уводит... Накануне стараюсь выспаться хорошо. Перед спектаклем я должна поесть в последний раз в два часа, не позднее. Поесть люблю, но перед спектаклем не ем. Я готовлюсь к спектаклю. Это в себе ужаваю. Я не отпускаю к тем актерам, которые прибегают за пять минут до начала... Я заметила, что комедию на сытый желудок играть хорошо, но драматическую роль – нельзя. Вообще сытым плохо выходить на сцену: что-то пропадает. Когда ты голодный, хочется, чтобы поскорее закончилось... (Смеется.) Есть энергия... Я ничего не делаю со своим лицом. И никогда не делала. Никогда не надо молодиться – это, наверное, самое важное. В таком случае ты выглядишь смешно, а главное – старше... Голос только порту с каждым годом все больше и больше. Я не нашу экстравагантных парнков, не надеваю шляпок.

– Разве у вас нет шляпок? Я слышала, что у вас – целая коллекция...

– Это для спектаклей. Вы в жизни меня когда-нибудь видели в шляпе? Пожалуйста, не оскорбляйте меня. А на сцене... Рассказываю. Как вы можете видеть, очень плохие волосы. Очень жарко в парике на сцене. Голова начинает потеть. А шляпка – легкая, и прикрывает все недостатки. И потом, не каждый умеет их носить, а мне шляпы идут. Дома у меня вся лоджия занята шляпами, поскольку их нельзя так просто сваливать, они у меня расставлены в специальном шкафу.

– В жизни не пользуетесь?

– Но... иногда. На большой выход. Я в жизни не люблю хорошо одеваться, я люблю оставлять себе удовольствие для выхода. Люблю выходы. Как и в еде: могу есть все что угодно и готовить себе не буду. Но готовить умею и люблю праздники и праздничный стол. Сама люблю приготовить и накрыть. Мне кажется, что мне уходит, но когда нужно выйти, тут я хочу, чтобы и для меня самой это был праздник, что я не такая, как всегда.

– Мне кажется, что вы – здоровый человек и в этом смысле не совсем, так сказать, русский, то есть вам не свойственна рефлексия на тему правильно вы живете или нет. Или это не так?

– Я – русский человек по всем параметрам. Хотя где-то есть и полякам, и литовским кровь, но в основном я – русский человек, со всеми бедами, несчастьями и сумбурностью характера. Если обратиться к русским сказкам, то в скорее Иванушка-дурачок, который потом оказывается умным. Я не слишком стараюсь хитрить в жизни. Хотя могу и соображаю, как можно было бы обхитрить. Но мне лень. Да, долго вести какую-то подпольную интригу, что, может быть, и придает здоровья, поскольку я не могу жить в долгом самокопании и себя этим будоражить. У меня есть счастливое, я считаю, качество – я не могу находиться долго в горе. Так же как не могу долго находиться в болезни. Знаю, что больна, но я буду делать свое, что не больна. И выздоравливаю, тьфу-тьфу-тьфу... Я не ухожу в расстройства – ни в физические, ни в душевные. Стараюсь не уходить. Прихожу домой, у меня и ноги, и голова болят, а на сцене все проходит. Поэтому я хочу, чтобы конец моей жизни не застал меня среди маргариток на даче. Хочу, чтобы маргаритки были, но чтобы время от времени я выезжала и играла на сцене. Умирать всем суждено, а вот болеть не хочется, Сверх – нашего – знать естественная, а болезни – нет. ■

У Ольги Аросевой всегда найдется в чем поговорить с Верой Васильевой и Спартаком Мишулиным. Фото Артема Чернова (НГ-фото)